



## Бурия

— Зарифляйте главный парус! — донесся сквозь шум бури громкий голос. — Укрепляйте мачту!

Никто не крикнул в ответ. Несколько человек, пробиваясь сквозь огромные волны, то и дело накатывающиеся на палубу, подбежали к мачте и начали отчаянно карабкаться вверх по канату, чтобы зарифить парус еще до того, как ветер, дувший со скоростью семьдесят узлов, разорвет его на куски или, что еще хуже, повалит единственную мачту судна.

Брат Хоан Калабона, не обращая никакого внимания на распоряжения капитана, наблюдал за происходящим, стоя на корме судна. Он не укрывался ни от ветра, ни от дождя и лишь пытался покрепче держаться за поручни, чтобы его не смыло за борт очередной волной. Несмотря на вероятную опасность, он предпочитал находиться здесь, на палубе, а не внутри судна, где стоял невыносимый запах блевотины и мочи.

Монах с удивлением отметил, что корабль, всего лишь несколько часов назад пребывавший в прекрасном состоянии, теперь беспомощно болтался среди огромных темно-серых волн, обрушивающихся на него со всех сторон. Эти волны рвали канаты, заставляли скрипеть и трескаться древесину, обдавали мелкими брызгами, из-за сильного ветра превращавшимися в острые иголки и больно вонзавшимися в незащищенную одеждой кожу тех, кто находился на мостике. Стоявший в двух шагах от монаха — в данной ситуации эти два шага можно было бы приравнять к двум лигам<sup>1</sup> — капитан Вильнёв всматривался в темноту, пытаясь разглядеть за громадными пенящимися волнами другие корабли их флотилии. Держась за поручни одной рукой, капитан другой ука-

---

<sup>1</sup> Лига — мера длины, равная 5572,7 м.

зывал лоцману, куда нужно направлять судно, и выкрикивал что-то. И хотя лоцман кивал ему в ответ, вряд ли он мог слышать и половину того, что пытался сказать капитан. Хоан Калабона, промокший до нитки и изо всех сил вцепившийся в поручни, мысленно спрашивал себя, а не возжелал ли Господь Бог, чтобы их путешествие закончилось прямо здесь, в этих водах.

Прошло уже почти восемь недель с того момента, как они под прикрытием ночной темноты вышли из порта Ла-Рошель в открытое море. Восемнадцать кок<sup>1</sup> длиной от семидесяти до восьмидесяти футов взяли курс на запад, увозя в своих трюмах весьма ценный груз. Трюмы были забиты до отказа. Более того, чтобы поместить весь груз, пришлось выкинуть из трюмов камни, служившие в качестве балласта. Двадцать два дня потребовалось на то, чтобы, не заходя ни в какие порты, достичь Счастливых островов и на одном из них, самом западном, под названием Гомера, пополнить запасы воды, овощей и фруктов. После этого флотилия плыла по океану целых двадцать пять дней (а может, даже двадцать шесть или двадцать семь — какая теперь разница?). Питьевую воду, которая уже начала портиться, несколько дней назад начали выдавать только по одной большой чашке в день на закате солнца. Овощей и фруктов хватило всего на неделю, и даже червивое сушеное мясо теперь вспоминалось как настоящее лакомство. На перегруженных судах для съестных припасов было выделено так мало места, что их запас очень быстро истощился. И если в ближайшие дни Господь не выведет их корабли к какому-нибудь большому острову, они превратятся в призраков, плывущих на тот свет.

Однако неистовый шторм отодвинул все заботы на второй план.  
— Брат Хоан!

Услышав, что его зовут, монах открыл глаза и увидел прямо перед собой старшего боцмана, по лицу которого обильно струилась дождевая вода.

---

<sup>1</sup> Кока — тип средневекового судна.



— Идите вниз! — крикнул боцман. Его голос почти полностью заглушался ревом бушующего моря и ветра. — Находиться здесь слишком опасно!

Калабона в ответ лишь отрицательно покачал головой. Старший боцман чертыхнулся, сплюнул сквозь зубы и, постояв в нерешительности несколько секунд, отвернулся, чтобы продолжить бороться со штормом.

Хоан Калабона опустил на скользкую палубу и, стоя на коленях и обхватив одной рукой стойку поручней, соединил обе ладони на уровне груди, чтобы помолиться. Его поза, конечно, была не очень-то подходящей для молитвы, как не очень подходящим было место для нее, однако в подобной ситуации ему только и оставалось, что молиться.

Внезапно монах заметил, что драгоценный перстень, немой свидетель всех его жизненных невзгод и страданий, который прежде плотно сидел на пальце, теперь болтается на нем. Хоан и в самом деле так сильно похудел, что ему приходилось подвязывать веревкой штаны, чтобы они не спадали с него. Похудел, конечно, не только он — все его товарищи, участвующие в этом путешествии, с каждым днем становились все более похожими на ходячие скелеты. Но одна лишь мысль о том, что он может потерять вещь, ставшую символом смысла его существования, испугала монаха больше, чем этот жуткий шторм. Аккуратно приоткрыв висевший у него на шее маленький кожаный мешочек, брат положил в него то, что отождествлялось с последней надеждой ордена и из-за чего неисповедимые пути Господни привели его, Хоана, на этот корабль. И вот теперь, в эту промозглую ноябрьскую ночь, он стоит на коленях на палубе и молится прямо посреди урагана о спасении своей жизни.

Хоан закрыл глаза и, попытавшись хотя бы на время забыть о свирепом шторме, стал молиться Господу, прося его о спасении своей собственной души и душ тех несчастных людей, которые боролись за свои жизни посреди беснующейся водной стихии. И вдруг он услышал — нет, скорее даже не услышал, а почувствовал всеми своими внутренностями — ужасный скрежет

где-то под ногами. Это могло означать только одно: их прочнейшая кока, построенная в расчете на то, чтобы выдерживать даже самые сильные северо-западные ветры, получила смертельное ранение и теперь уже никогда не доплывет до места назначения.



Едва я успел вынырнуть из воды и вытащить регулятор изо рта, как услышал крики Джека, который, наклонившись и держась обеими руками за якорный трос, стоял на носу яхты.

— Улисс! Якорь опять застрял! Нырни-ка еще разок и вытрани его.

— Опять застрял? Ну что за дерьмо!

Я неохотно сунул в рот регулятор и нажал на клапан, выпуская воздух из плавательного жилета, а затем медленно погрузился в глубину, из которой только что вынырнул.

— Не одно, так другое, — недовольно пробормотал я, опускаясь все глубже и глубже. — До добра это не доведет.

После всплытия необходимо потратить не менее пяти минут на декомпрессию, а мне приходится сразу же снова погружаться, чтобы потом максимально быстро подняться — и все из-за этого чертова якоря. За всю свою жизнь я впервые столкнулся с якорем, который все время где-то застревает. Каждый день — одно и то же. Нужно поставить Джеку ультиматум: или якорь, или я. На яхте мы с этой железякой явно не уживаемся.

Я огляделся по сторонам, пытаюсь увидеть в воде якорный трос — ровную белую линию, протянувшуюся от темнеющего вверху корпуса яхты «Мартиниз Ло» к расположенному на девятиметровой глубине рифу. Наклонившись всем телом, я поплыл к тому месту, где на самом дне угадывался нижний конец якорного троса, чтобы вытащить этот дурацкий якорь как можно быстрее.

Через несколько секунд я был уже возле якоря, выглядывающего из огромного живого коралла, который в слабом свете тро-



пического вечера, пропуская сквозь себя миллионы литров воды, предстал передо мной во всем своем великолепии — с ярко-красными, желтыми, белыми и темно-лиловыми образованиями самых невероятных форм. Появляясь то сверху, то снизу, то сбоку, вокруг коралла шныряли сбившиеся в необыкновенно подвижный косяк бесчисленные маленькие рыбки серебристо-голубоватого цвета, уникального даже для многокрасочной морской фауны. Рыбки сновали туда-сюда очень быстро и хаотично, но при этом, казалось, совсем не боялись находившихся рядом гораздо более крупных рыб. Огромная одинокая барракуда, медленно проследовавшая над рифом, словно ковбой, объезжающий свое ранчо и приглядывающий за пасущимися стадами, посмотрела на меня с таким видом, как будто мое присутствие ее раздражало.

К окружавшему меня всеобщему движению добавилось целое облако пузырьков: это я, не сдержавшись, выругался, когда заметил, что одна из трех лап злополучного якоря каким-то совершенно невероятным образом пробила насквозь кусок коралла и зацепилась за него.

Я несколько раз толкнул якорь, однако мои усилия привели лишь к тому, что из-за взметнувшихся вверх частичек водорослей и крупинок песка вода вокруг меня помутнела, и теперь уже трудно было разглядеть, почему мне не удастся высвободить лапу этого чертова якоря.

Отвлечшись на несколько секунд от своего занятия, я посмотрел, какой запас воздуха у меня еще оставался после сорока пяти минут пребывания под водой со своими клиентами и этого непредвиденного погружения. Шестьдесят атмосфер. Получалось, что на данной глубине минимальный допустимый предел давления в баллоне будет достигнут через три минуты, а значит, в любом случае придется подниматься на поверхность.

Я раздраженно выхватил длинный нож из прикрепленного к икре правой ноги чехла, намереваясь, если потребуется, искромсать в куски хоть весь коралловый риф. Попытавшись вонзить нож в коралловую массу, в которой застрял якорь, я невольно удивился ее необычайной твердости, а затем, при-